

Владислав Мирзоян

БОКАЛ ТУМАНА

кто убил доктора Чехова

Владислав Мирзоян

**Бокал тумана. Кто
убил доктора Чехова**

«Издательские решения»

Мирзоян В. М.

Бокал тумана. Кто убил доктора Чехова / В. М. Мирзоян —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905658-0

Германия. Баденвейлер. Ночь на 2 (15) июля 1904 года. «Давно я не пил шампанского», — сказал Чехов и выпил бокал... Всё было не так...

ISBN 978-5-44-905658-0

© Мирзоян В. М.
© Издательские решения

Содержание

ЗА МЕСЯЦ ДО СМЕРТИ...	17
ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 (11) ИЮНЯ	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Бокал тумана Кто убил доктора Чехова

Владислав Михайлович Мирзоян

© Владислав Михайлович Мирзоян, 2018

ISBN 978-5-4490-5658-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мифы, мифочки, мифушки и мифуёчки.

Кто на них не попадался.

Вот и недавно один почтенный и образованный иерей А., (что с иереями бывает не всегда) рассказывая о смерти Чехова, в своей замечательной серии «Смерть замечательных людей», замечательно сказал примерно так:

– «Он умер не с покаянием, как Пушкин. Не с Евангелием, как Достоевский. А с бокалом шампанского» – открыто намекая, что смерть Чехова была не... как бы так поделикатнее выразиться... не вполне праведно-канонична – вместо Чаши и Причастия – барственно-гусарский и залихватский бокал игривого вина из провинции Шампань.

Впрочем, иерей А. тут же добавил:

– «Но читать его надо – он умён, тонок, тих, интеллигентен, человеколюбив, чудесен...» – и прочее, позитивное.

Многие видели и хотят видеть в этом чеховском бокале шампанского символ трагического, но торжествующего безбожия.

А некоторые, ещё глубже глядящие, вспомнив один из многочисленных псевдонимов Чехова – Шампанский, подтянули за метафизические уши ещё и вагон для устриц, в котором привезли Чехова в Москву.

Как некий образ-закуску.

Начало мифу положили, конечно, газеты и газетчики.

Но миф подтвердила и вдова писателя актриса Ольга Леонардовна Книппер-Чехова.

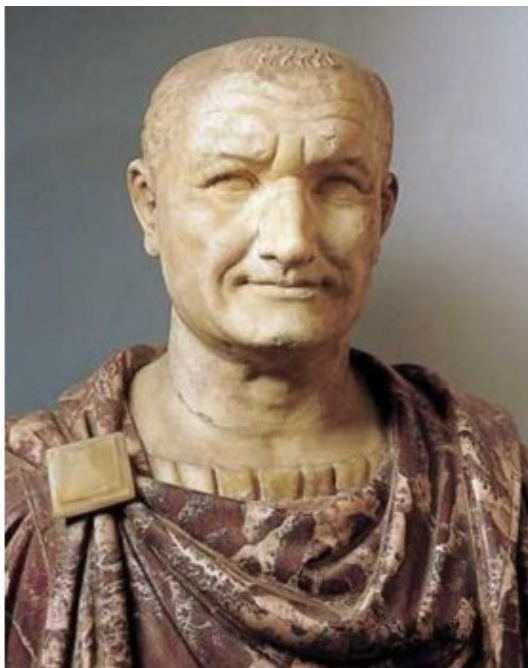
Германия.
Городишко Badenweiler —

термальные источники +26. 5 градусов и развалины римских терм Aqua Villae – водный городок

времён Веспасиана, первого в Риме императора, родом не аристократа, сына крестьянки и всадника, который, кроме того, что велел разрушить Иерусалим, ввёл налог на общественные уборные, сказав – *Aes non olet* – деньги не пахнут.

У евреев это называлось и называется миква – резервуар для ритуального омовения – твила.

В христианстве твила послужила основой для практики Крещения. Иоанн Креститель на иврите – Йоханан га-Матбиль [Хаматвил] – «совершающий ритуальное очищение водой».

В православии стало святым источником.

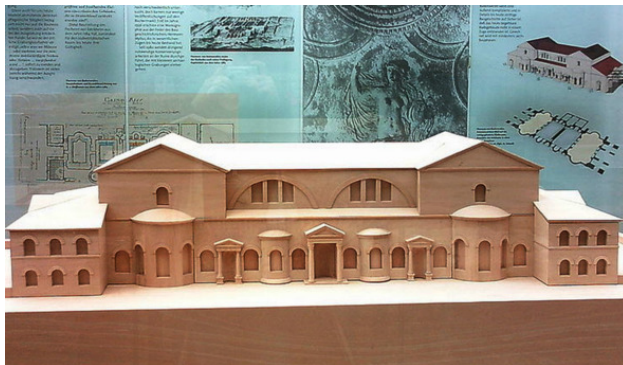
У древних греков – это были термы.

У римлян тоже термы, с божком источников Фонтом, (или Фонсом) – от которого произошло слово фонтан.

В Тбилиси – серные источники Абанотубани, теперь серные бани.

Во все времена, у всех народов были свои свои целебные, а потому святые источники.

Это макет-реконструкция тех римско-баденвейлерских терм.

А сейчас это выглядит вот так.

Население на 31 декабря 2010 года – 3907 человек,
а в 1904-том раза в три, если не больше, меньше —
словарь Брокгауза-Ефрона называет Badenweiler селом.
Тишина, дешёвизна (по тем временам), горный воздух.
Хотя, высота – всего 425 метров.
Отель «Sommer», что означает лето

существующий и поныне по адресу Ernst-Eisenlohr-Straße, 6 – что онлайн переводчик в интернете переведёт вам как Эрнст-Железный Час, а Эрнст, как серьёзный – и всё вместе получится улица Серьёзного Железного Часа, только вывеска теперь не «Sommer», а «Park-Therme» – Парк Термальные Ванны и сегодня это не и гостиница, а реабилитационная клиника.

Вид внутреннего двора гостиницы, куда выходили балкон и окно номера Чеховых,

второй этаж, балкон.

Ночь на 2 (15) июля 1904 года.

Уже пятница.

Книппер-Чехова:

– «Около часу ночи Чехов проснулся и первый раз в жизни сам попросил послать за доктором».

В этой же гостинице остановились два брата-студента из России, Лев и Артемий, сыновья крупного фабриканта (купца первой гильдии) Рабенека.

После революции и национализации одна из фабрик Рабенека стала Щёлковским хлопчатобумажным комбинатом им. Калинина.

Книппер-Чехова просит одного из братьев – Льва Рабенека сбежать за местным врачом, который наблюдает Чехова.

Быстро приходит доктор, благо живёт совсем рядом.

Книппер-Чехова:

– «Антон Павлович как-то необыкновенно прямо приподнялся, сел и сказал, громко и ясно:

– «Ich sterbe»...

...что означает – я умираю...

Но почему по-немецки?...

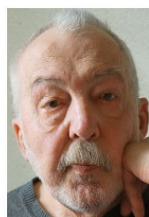
Андрей Битов («Мой дедушка Чехов...»):

– «Это очень волнует праздный русский ум.

Почему по-немецки?

Отрезвляя гипотезы, я утверждал, что потому, что доктор рядом был немец и он сообщил ему своё мнение как врач врачу».

Немец-то немец, но отрезвляя Битова (в том числе и от родственных связей с Чеховым),

заметим – Чехов немецкого не знал.

К тому же – рядом два человека: жена – дочь прусского подданного и прекрасно говоривший по-немецки Лев Рабенец.

Никакой надобности говорить Чехову «я умираю» на немецком – не было.

Кроме, как выясним, одной.

Книппер-Чехова:

– «Доктор успокаивал, взял шприц и сделал впрыскивание камфоры, велел подать шампанского»...

Согласитесь, странная фраза – «врач успокаивал... велел подать шампанского».

Да и поведение врача несколько странное: человек говорит – я сейчас умру, а доктор наливает ему шампанское.

Да и где он его взял, около часа ночи...

И почему – шампанского?

Не коньяка, не водки, не красного вина?

А именно шампанского?...

Отчасти миф о Чехове и шампанском разъяснён британским профессором русской литературы колледжа Queen Mary University of Lon-don Доналдом Рейфилдом (Donald Rayfield)

в книге «Жизнь Антона Чехова» – якобы по старинной германской традиции врач, находясь у смертного одра коллеги и видя, что на спасение нет уже никакой надежды, должен поднести ему шампанское.

Врач – и только врачу.

Докторские штучки.

Наверное, это должно было символизировать победу над смертью.

Победу духа над бранным телом.

Что доктор и сделал.

Подавал бокал шампанского врачу Чехову.

Некоторые немецкие врачи эту традицию не подтверждают. Например, Хельга Джон Грайнер в своей диссертации на соискание степени доктора медицинских наук – Грайнер Х. Дж. «Антон Чехов. Его болезнь и медицина того времени». Университет Генриха Гейне. Дюссельдорф, 2008.

Однако есть и вторая версия воспоминаний Книппер-Чеховой (точнее – черновики), от первой почти не отличающаяся:

– «... первый раз в жизни сам попросил послать за доктором.

После он велел дать шампанского».

Получается – сам Чехов...

Книппер-Чехова:

– «Антон Павлович взял полный бокал, оглянулся, улыбнулся мне и сказал:

– «Давно я не пил шампанского».

Выпил всё до дна, лёг тихо на левый бок – я только успела перебежать и нагнуться к нему через свою кровать, окликнуть его – он уже не дышал, уснул тихо, как ребёнок...»

Чехов попросил бокал шампанского, выпил, лёг на левый бок и умер, как заснул.

Всё.

Книппер-Чехова:

– «... И страшную тишину ночи нарушала только как вихрь ворвавшаяся огромных размеров чёрная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате...»

Таков миф.

Как та бабочка.

Попробуем его осмыслить.

Отогнать от величественной и страшной последней минуты великого русского писателя Антона Павловича Чехова эту чёрную мохнатую бабочку...

ЗА МЕСЯЦ ДО СМЕРТИ...

Книпер-Чехова:

– «В первых числах июня мы выехали на Берлин, где остановились на несколько дней, чтобы посоветоваться с известным профессором Э.»

Сейчас почему-то везде пишут, что Э. был пульмонолог.

На самом деле, профессор берлинского госпиталя Императрицы Августы Карл Антон Эвальд был гастроэнтеролог и занимался желудками, а не лёгкими.

Книпер-Чехова:

– «... который ничего не нашёл лучше, после того как выслушал и выстукал Антона Павловича, как встать, пожать плечами, попрощаться и уйти».

Вообще-то гастроэнтерологи не «выстукивают», а берут желудочный сок, для чего Эвальд придумал гибкий резиновый зонд и остался известным в медицине своими работами по исследованию желудочного сока и «пробным завтраком Эвальда»: белый хлеб, 400 грамм воды и через час содержимое желудка откачивается для изучения.

Это доказывает, что либо Книппер-Чехова в том госпитале не была, либо не очень понимала, что пишет.

Обратите внимание – германское светило «пожало плечами» – оно ничего не нашло в желудке у Чехова.

Хотя сейчас везде пишут, что лёгочник «Э. пожал плечами оттого, нашёл Чехова безнадежным».

Наверное, желудочное светило подумало, что этот русский мнителен, как человек и не профессионален, как доктор.

Книпер-Чехова:

– «Нельзя забыть мягкой, снисходительной, как бы сконфуженной и растерянной улыбки Антона Павловича».

Тактичный Чехов сконфужен, ему неловко – зря потревожил светило.

А жить Чехову оставалось меньше месяца.

Рассказ о походе к профессору Книппер-Чехова закончила странной фразой:

– «Это должно было произвести удручающее впечатление».

А на кого?

На «светило»?

На нас, кто будет читать?

Или на неё?

Так ведь событие-то радостное – желудочный сок Чехова светило нашло нормальным и пожало плечами.

Пить шампанское пока ещё рано.

Чеховеды пишут: из Берлина, около 9—10 июня Чехов с женой приезжает в Badenweiler.

Это курортная карта Чехова, который здесь будет называться herr Tschechow – герр Тше-шоф. А wochen – значит недельная.

После смерти мужа, Ольга Леонардовна станет вести дневник в виде писем Чехову: – «Помнишь, как мы любили с тобой наши прогулочки в экипаже, нашу „Rundreise“, как мы её называли?»

Rundreise с немецкого – круговое путешествие, тур, турне, круиз: то есть – путешествие по кругу. Кроме термальных источников и римских развалин, в городишке была ещё одна достопримечательность – круговая аллея, заложенная ещё в 1758 году и в течение ста пятидесяти лет превращённая в ухоженный парк с озерцами, ручейками и в силу местного мягкого климата, усаженный всяческими экзотическими растениями – по аллее в этом парке и катались по кругу на извозчике Чехов с супругой.

Вот она, эта Rundreise, только зимой.

Примерно так она выглядит летом —

почти рай на земле.

Но очень скоро этот рай обернётся для Чехова адом.

Книппер-Чехова:

– «Какой ты был нежный, как я тебя понимала в эти минуты.

Мне было так блаженно чисто на душе.

Помнишь, как ты тихонечко брал мою руку и пожимал,

и когда я спрашивала, хорошо ли тебе,

ты только молча кивал и улыбался мне в ответ.

С каким благоговением я поцеловала твою руку в одну из таких минут!»

Боже! Семейная идиллия в раю – жена целует руку мужу.

А жить Чехову оставалось уже две недели.

Но, главное, чтобы она этого не поняла.

Главное, чтобы ей было хорошо.

Книппер-Чехова:

– «Ты долго держал мою руку, и так мы ехали в сосновом благоухающем лесу.

А любимое твоё местечко была изумрудная сочная лужайка, залитая солнцем.

По прорытой канавочке славненько журчала водичка, так всё там было сыто, напоено, и ты всегда велел ехать тише, наслаждался видом фруктовых деревьев, которые занимали огромное пространство и стояли на свободе, не огороженные, и никто не рвал, не воровал ни вишен, ни груш.

Ты вспомнил нашу бедную Россию...»

Это да, это да – ни груши, ни вишни, в России лучше без присмотра не оставлять.

Впрочем и лыжи тоже.

Книппер-Чехова:

– «А помнишь очаровательную мельничку, – как-то она внизу стояла, вся спрятанная в густой зелени, и только искрилась вода на колесе?»

Как тебе нравились благоустроенные, чистые деревеньки, садики с обязательной грядкой белых лилий, кустами роз, огородиком!

С какой болью ты говорил:

– «Дуся, когда же наши мужички будут жить в таких домиках!»

Дуся, дуся моя, где ты теперь!»

Дусей – Чехов в письмах называл жену.

Теперь – она его.

А ещё – они говорили о ребёнке.

Которого у них нет.

Чехову сорок четыре...

Но об этом – потом.

А «наши мужички» в таких «домиках», с «канавочками» и «мельничками» как в Германии жить, увы, никогда не будут.

Но, может, оно и к лучшему.

А вот баденвейлерские мужички скоро покажут Чехову, как надо жить.

Книппер-Чехова:

– «Доктор Швёерер, к которому мы обратились, оказался прекрасным человеком и врачом».

Доктора Швёерера называют в интернете то Йозеф, то Эрик, а то ещё как.

Поэтому, хоть он на самом деле и Joseph будем звать его просто – Schwoerer.

Лев Рабенек:

– «Доктор Schwoerer был сравнительно молодой, красивый и приятный в обращении человек.

Его лицо показывало, что в свои студенческие годы он принадлежал к одной из студенческих корпораций: следы дуэльных порезов сохранились на его щеке.

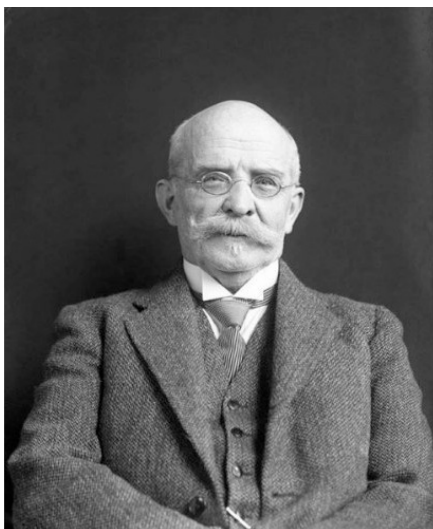
Так как он лечил также моего брата, то я имел возможность присмотреться к нему и убедиться, что он серьёзный и знающий врач.

Примечательно то, что он был женат на русской, на нашей москвичке Елизавете Васильевне Живаго».

Отчасти именно поэтому, по московским связям и рекомендациям московских врачей, (в частности доктора Траубе), лечивших Чехова, он с женой и оказался в этом крохотном Badenweilere у Schwoerera.

Это фотографии кабинета доктора Schwoerera. Но в кресле не сам доктор, по жене Живаго, красавец в шрамах, а брат его жены, А. В. Живаго – врач, коллекционер и заядлый фотолобитель.

Зачем Живаго сам себя снял в чужом кабинете – непонятно, по крайней мере будем знать, что тут бывал Чехов, но «студенческую корпорацию», в которой состоял Schwoerer запомним.

Книппер-Чехова:

– «Вероятно, и он (Schwoerer) понял, что состояние здоровья Антона Павловича внушало опасения, но тем более он отнёсся к нему с необычайной мягкостью, осторожностью и любовью».

Опять странная фраза.

Особенно, после берлинского «светила».

Вчитайтесь:

«... вероятно... и он понял... состояние здоровья... внушало опасения...»

А кто ещё понял?

Сам доктор Schwoerer потом написал в местной газете:

– «До наступления кризиса я был уверен, что его жизнь ещё продлится несколько месяцев».

Ни берлинское «светило», ни Schwoerer не видят, что дни Чехова сочтены...

Schwoerer:

– «Он лечился у меня три недели, но в первый же день, осмотрев его, я выразил опасение в связи с его больным сердцем, которое значительно хуже лёгкого.

Господин Чехов был удивлён:

– «Странно, но в России никто и никогда не говорил мне о больном сердце».

Он не поверил мне, я это понял...»

Стоп.

Чехова лечат от туберкулёза, а у него, оказывается, ещё и больное сердце.

Больнее лёгкого.

Но Чехов не поверил.

Лечится Чехов давно, лет двадцать, вокруг него врачи – и ни один ничего не сказал ему о сердце.

Странно.

А проницательнейший доктор Schwoerer-Живаго сразу усёк.

А плохой врач Чехов ему не поверил.

Швёерер потом так и напишет:

– «Он, видимо, замечательный писатель, но очень плохой врач...»

Пастернака я не читал...

ПОНЕДЕЛЬНИК, 28 (11) ИЮНЯ

Книппер-Чехова:

– «За три дня до кончины Антон Павлович почему-то выразил желание иметь белый фланелевый костюм (и в шутку упрекал меня: плохо одеваешь мужа).

И когда я говорила, что костюм нельзя купить здесь, он, как ребёнок, просил съездить в ближайший город Фрейбург и заказать по мерке хороший костюм».

Чехову осталось жить четыре дня – он покупает костюмы...

Или он, действительно, плохой врач, или жена что-то напутала – но немного смущает её «почему-то».

Нет, она не напутала – в письме сестре в этот день Чехов пишет:

– «Ольга поехала в Фрейбург заказывать мне фланел <евый> костюм, здесь в Баденвейлере ни портных, ни сапожников. Для образца она взяла мой костюм, сшитый Дюшаром».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.